

Пиванова Элина Викторовна

АДАПТАЦИОННЫЕ СДВИГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОКОММЕНТАРИЕВ В. НАБОКОВА)

Статья посвящена специфике реализации творческой билингвальной языковой личности в переводах и автопереводах художественных текстов, а также автокомментариях к ним; анализируются индивидуальные переводческие предпочтения В. Набокова в автопереводе. Исследуется эволюция взглядов В. Набокова на принципы адекватного перевода, рассматриваются причины и условия необходимых при художественном переводе адаптационных сдвигов как переводческих преобразований, сопровождающих переход текста через лингвокультурные границы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 161-163. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 800

Филологические науки

Статья посвящена специфике реализации творческой билингвальной языковой личности в переводах и автореводах художественных текстов, а также автокомментариях к ним; анализируются индивидуальные переводческие предпочтения В. Набокова в автореводе. Исследуется эволюция взглядов В. Набокова на принципы адекватного перевода, рассматриваются причины и условия необходимых при художественном переводе адаптационных сдвигов как переводческих преобразований, сопровождающих переход текста через лингвокультурные границы.

Ключевые слова и фразы: автоинтерпретация; авторевод; адаптационный сдвиг; буквальный перевод; контрастивная текстология; художественный перевод.

Пиванова Элина Викторовна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
elina888@mail.ru

АДАПТАЦИОННЫЕ СДВИГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОКОММЕНТАРИЕВ В. НАБОКОВА) ©

Перевод является межъязыковой текстовой аппроксиматизацией, требующей определенной билингвальной компетенции [8, с. 25]. В процессе перевода соблюдение правил межъязыковой нормы требует особых эвристических стратегий, причем двоякого рода: это могут быть стратегии, ориентированные на соответствие собственно языковых значений, и стратегии, ориентированные на текстовые функции языковых единиц. Вторые оказываются более предпочтительными в художественном переводе, который предполагает этап интерпретативного анализа, нацеленного на выявление всей совокупности смыслов, закодированных в той или иной языковой единице в ткани художественного текста.

Контрастивная текстология в состоянии объяснить многие наиболее сложные проблемы аналитико-синтетического процесса при переводе. В целях достижения адекватности синтезируемого текста кроме чисто лингвистических задач самого жанра должны быть учтены традиции и методы теории литературы и предусмотрены трудности перехода содержания произведения через лингвистические и культурные границы [Там же, с. 32]. Обширное поле для контрастивных исследований представляет двуязычное творческое наследие В. Набокова, причем в данном случае мы имеем возможность не только исследовать результаты автореферентной деятельности, но изучить его «теорию перевода», поскольку В. Набоковым написан ряд текстов, посвященных проблемам перевода: это замечания по поводу собственных и чужих переводов (которые встречаются в рецензиях, интервью, письмах В. Набокова), а также в предисловиях к переводам его романов на английский и русский языки. По словам И. В. Сергиенко, «к писателю-рассказчику читатель обращается за развлечением, за умственным возбуждением простейшего рода, за эмоциональной вовлеченностью... К писателю-учителю, по мнению В. Набокова, можно обратиться не только за поучением, но и за извлечением некоторых новых сведений, знаний» [9, с. 166]. Сам В. Набоков выступает в роли практика, критика и теоретика художественного перевода, предлагая совершенно особый пласт авторского знания о сущности переводческого процесса.

Априори представляется, что процесс авторевода можно рассматривать в качестве наиболее приближенного к идеалу процесса пересоздания оригинала на ином языке, ибо сам автор оказывается и читателем текста, и его интерпретатором, он же стоит ближе всех к пониманию всей совокупности художественных смыслов, заложенных в произведении (хотя число его возможных трактовок, как известно, велико). Авторевод оказывается условием формирования особой, вторичной языковой личности: собственное произведение автор должен воспринять как сторонний читатель, а затем транслировать его иноязычному читателю посредством кодовой системы другого языка. Вероятно, именно поэтому в процессе авторевода возможны серьезные преобразования оригинала, что было бы недопустимо в работе другого переводчика. В. Н. Комиссаров говорит о видоизменении критериев вольности/точности при оценке качества авторевода [3]. Основная задача авторевода видится как попытка создания иноязычного текста, адекватно передающего содержание оригинала и способного вступить в системные связи с принимающей лингвокультурой.

В переводческой деятельности В. Набокова можно выделить несколько этапов, смена которых сопровождалась трансформациями в системе установок и принципов, с которыми В. Набоков подходил к пониманию процесса перевода. Представляется важным проследить причины и условия такой эволюции. В начальный период своей переводческой деятельности В. Набоков продолжил существовавшую в то время переводческую традицию вольного перевода – транспонирования иноязычного текста на русскую почву, и сохранял приверженность названной позиции в течение 30 лет, т.е. до начала работы над переводом «Евгения Онегина» (1964 г.)

на английский язык. Пытаясь передать все языковое богатство пушкинского шедевра на другом языке, В. Набоков пришел к выводу о том, что единственно верным решением этой задачи является тактика буквального подстрочного перевода, подробнейшим образом откомментированного. О собственном переводе романа В. Набоков пишет: «Прежде всего, “буквальный перевод” предполагает следование не только прямому смыслу слова или предложения, но и смыслу подразумеваемого, это семантически точная интерпретация, не обязательно лексически (относящаяся к передаче значения слова, взятого вне контекста) или структурная (следующая грамматическому порядку слов в тексте)...» [4, с. 455]. Завершив работу над Комментарием, В. Набоков продолжал отстаивать функционально-прагматическое превосходство буквального и откомментированного перевода: «Единственная цель и оправдание перевода – возможно более точная передача информации, достичь же этого можно только в подстрочнике, снабженном примечаниями» [10, р. 96].

Буквальный перевод – в набоковской трактовке – можно рассматривать как удовлетворяющий требованиям коммуникативной равноценности между текстами оригинала и перевода, но лишь в том случае, когда, точно воспроизведя семантику отдельных языковых знаков исходного текста, копируя синтаксические конструкции, оставляя себе минимум свободы в тексте произведения, языковой посредник в комментарии проявляет себя как равный автору по творческой силе интерпретатор. Переводчик-буквалист, одновременно являющийся «идеальным читателем», способен достичь высокой точности в переводе – как художественной, так и семантико-стилистической, – будучи тонким ценителем и знатоком литературы, а также терпеливым и внимательным исследователем языковых особенностей оригинала.

Стратегии буквального перевода В. Набоков придерживался до того момента, когда занялся автопереводом, одним из сложнейших видов переводческой деятельности. Главное препятствие, которое мешало В. Набокову реализовать в авторском переводе собственную концепцию «буквального перевода», – это обусловленность авторского замысла культурно-психологической детерминированностью языковых систем: системы, в рамках которой создан оригинал, и системы, в рамках которой создается перевод. Говоря о трудностях перевода автобиографического романа, В. Набоков отмечает, что «в получившейся книге некоторые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно – куда я не взялся за безумное дело перевода “Conclusive Evidence” (1951 г.) на прежний, основной мой язык. Недостатки объявились такие, так отвратительно тарасилась иная фраза, так много было и пробелов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое» [6, с. 63].

Особое значение придает В. Набоков лингвокультурной информации, заложенной в языке оригинала: о «Даре», например, он пишет: «Так много русских муз участвуют в оркестровке романа, что переводить его особенно трудно» [Там же, с. 51]. Лингвокультурные компоненты, органично встроенные в ткань оригинального текста, в переводе требуют адекватных замен, которые в силу возможных значительных расхождений в том или ином культурном сегменте могут также оказаться значительными. Представляя англоязычное издание «Приглашения на казнь», писатель признается, что если бы ему представилась возможность составить «словарь толкований, которым не достает лишь заглавных слов, то давно лелеемой статьей в ней было бы: “сокращать, расширять или иным образом изменять или заставлять изменять, с целью запоздалого совершенствования, свои собственные произведения в переводе”» [Там же, с. 47]. Для понимания позиции Набокова как автоинтерпретатора важно, на наш взгляд, обратить внимание на кредо переводчика, заявленное в предисловии к переводу одного из романов на английский язык: он подчеркивает, что «главное – верность своему автору, как бы ни ошеломлял результат» [Там же]. В таком случае стремление, по сути, переписать текст противоречит «буквалистским» переводческим установкам самого В. Набокова. По-видимому, необходимость коренных преобразований в ткани текста при переносе собственного произведения в иноязычную реальность соответствовало в данном случае новой переводческой задаче.

Автокомментирование у Набокова окрашено пониманием того, что «художественность – это не образность как таковая и не традиционная образная специфика искусства, а самоценность художественного феномена в его единственно-неповторимом и значимом в этой неповторимости виде. Поэтическое слово самоценно в своей глубине и наполненности. Оно своеобразное чудо в своей первоизданности, и поэтому не говорит нам нечто о мире, а становится миром, и сам мир говорит нам или говорит с нами. В противном случае чудо не может состояться» [1, с. 285].

Для создания идеального перевода, пишет в работе «Искусство перевода» В. Набоков, переводчик «должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор, либо таланты их должны быть одной природы» [5, с. 395]. Кроме того, В. Набоков говорит о том, что переводчик должен прекрасно владеть языками оригинала и перевода, разбираться в поэтологической специфике стиля переводимого автора, этимологических и словообразовательных особенностях языковых единиц, исторически и культурно обусловленных аллюзиях. Наконец, В. Набоков говорит о таком важном свойстве переводчика художественного текста, как «способности к мимикрии»: он должен уметь «действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [Там же]. Таковы основные правила, которыми руководствовался сам В. Набоков при работе над переводами отечественных и зарубежных классических произведений.

Автопереводы В. Набокова составили значительную часть его творчества – как художественного, так и исследовательского. Автоинтерпретация оказалась основным способом приближения художественного

смысла произведения к читателю. В автопереводах В. Набоков использует все возможные пути – автоинтерпретационные ходы, включающие как текстовые изменения в переводе, так и возможность изложить свою точку зрения в предисловии к английскому изданию произведения.

По В. Набокову, при трансляции художественного текста в иноязычную культуру возможны такие адаптационные сдвиги, которые нарушают привычный принцип неприкосновенности текста оригинала и приводят к его переработке. Аксиоматичные утверждения о «вторичной, воспроизводящей природе» перевода, о «противоборстве двух разнонаправленных видов речевой деятельности, восприятия исходного текста и порождения переводного текста» [2, с. 4] приобретают новое звучание, и выкристаллизовывается нетривиальное решение вопроса о взаимоотношениях между оригиналом и переводом (по мнению Н. М. Нестеровой, саму историю науки о переводе можно рассматривать как историю этих отношений) [7, с. 126].

Содержание текста на уровне интерпретатора – особый ментальный конструкт, определяющий адаптационные сдвиги при трансляции художественного текста в иноязычную культуру; при переводе пушкинского шедевра основу этого содержания В. Набоков видел в целостности и «неприкосновенности» текста оригинала, все нюансы которого должны были быть переданы на другой язык буквально, а компоненты значения каждого слова или словосочетания разъяснены в комментарии. При переводе же собственных произведений свою переводческую задачу В. Набоков видел в порождении текста для читателя, принадлежащего иной лингвокультуре, и в этом случае набор решений, которые переводчик сознательно или подсознательно принимает относительно уровня соответствия стилистики или степени эквивалентности, требует координированного использования различных знаний и навыков как лингвистических, так и за пределами владений по меньшей мере двумя языками: этот процесс комплексной аппроксимации включает в себя множество психолингвистических и социолингвистических переменных.

Список литературы

1. Гей Н. К. Категории художественности и метахудожественности // Литературоведение как проблема. Труды научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М.: Наследие, 2001. С. 280-301.
2. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: Знание, 2006. 544 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ.; под ред. В. А. Харитоновой. М.: Независимая газета, 1998. 512 с.
5. Набоков В. Лекции по русской литературе / пер. с англ.; предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
6. Набоков В. В.: *Pro et contra. Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей*. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. 1060 с.
7. Нестерова Н. М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь: ПГТУ, 2005. 202 с.
8. Семенов А. Л. Современные информационные технологии и перевод. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 224 с.
9. Сергиенко И. В. В. В. Набоков о художественных особенностях новеллы Дж. Д. Сэлинджера «Хорошо ловится рыбка-бананка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 164-169.
10. Nabokov V. Strong Opinions. N. Y., 1990. 350 p.

ADAPTIVE SHIFTS IN LITERARY TRANSLATION: REASONS AND CONDITIONS (BY THE MATERIAL OF V. NABOKOV'S SELF-COMMENTS)

Pivanova Elina Viktorovna, Ph. D. in Philology
North Caucasian Federal University
elina888@mail.ru

The author considers the specificity of creative bilingual linguistic personality realization in translation and self-translation of literary texts, as well as self-comments to them; analyzes V. Nabokov's individual translation preferences in self-translation, researches the evolution of V. Nabokov's views on the principles of adequate translation, and considers the reasons and conditions necessary for the literary translation of adaptive shifts as translation transformations that accompany the text transition through linguo-cultural borders.

Key words and phrases: self-interpretation; self-translation; adaptive shift; word-for-word translation; contrastive textual criticism; literary translation.